

МОРОЗКО

Было то, не было, – но жил как-то мужик да с другой женой. У мужика была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как в старые времена за мачехой жили: недокрутисси – бита и недовертисси – тожа бита. А родная дочь что ни сделает – за всё по головке погладят: умница. Однакость в боле поздние времена вдругорядь всё переменялось: до мачех дошло, што надо бы всё наоборот: ежели любишь – закладывай в дитятку трудолюбие, оно и жити подможет, и щастье принесёт. Однакость, времена-то обратно изменилися! И как там таперя дела с энтим обстоять? А вот как.

Мачеха, кубыть как дважды учёная, гоняить свою дочку – скажем, Алису, – как сидорову козу, штоб она скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела – и т.д. А падчерицу – скажем, Снежану, – понятно дело, холить, балуить, подарками задариват, на балы посылат с начальством знакомица на предмет вхожденья в высший круг. Короче, к бедам и испытаньям всяким растёт Снежана непривыкшая. И вот наступает час, так сказать, испытаний: мачеха решила, што уж довели падчерицу до кондиции и пора на ей, как на наименее ценном члене ихнево коллективу, проверить на вшивость воеводу Морозко – то исть, каки́ таки подарки тот готов выложить по запланированному в етой сказке случаю.

Мужик, конешно, был законченный подкаблушник – иначе как бы согласилси везти дочку в трескучий мороз в лес и там бросить. Конечно, затужил, поплакал, как положено, однакость делать неча, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

– Садись мила дочь, в сани.

Повёз бедняжку в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал. А в нашем царстве-государстве за главново как раз и выступат тот самый Морозко, который

всё подмораживал: политический климат, оппозицию, социальные лифты, парламентскую деятельность – хобби у ево такое было.

И вот сидит девушка под елью, дрожить, озноб пробират. Вдруг слышит – невдалеке воевода по ёлкам потрескиват, с ёлки на ёлку поскакиват, пощёлкиват. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и спрашиват ея сверху:

– Тепло ли тебе, девица?

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко подморозил ишо солидарность и гражданскую активность, сам потрескиват, пощёлкиват:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводить:

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко заинтересовался, подморозил до кучи расходы на образование и науку, спрашиват:

– А как звать-величать тебя, красавица?

– Снежана Былдовна, – еле шевелить губами девушка.

Морозко ишо ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал, экономику вконец заморозил, а судебныя расследования против малых и средних предпринимателей, наоборот, распоясал:

– А таперь тепло ли тебе, Снежана, тепло ли тебе, Былдовна?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелить:

– Ой, тепло, Морозушко, тепло, ты наш свет в окошке и солнышко ясное!

– Ах ты, моя лапушка! – заценил Морозко девицу, перестал в ей сумлеваться, окутал тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами и взял на заметку как ценный кадр.

А мачеха ужо на всякий случай печёт блины поминки справлять, кричить мужику:

– Ступай, старый, вези Снежанку, посмотрим, што с ей сталося!

Поехал старик к тому месту и видит: под елью скачить по сугробам ево дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и рядом – короб с богатыми подарками. Ну, конечно, обрадовался, положил добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

Мачеха взяла всё на ум и на следующий день велить:

– Запрягай, старый, лошадь обратно! Вези таперь мою дочь в лес, да посади на то же место!

Старик усадил на Алисию в сани, завёз в лес, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

И вот сидеть мачехина дочь, зубами стучить. Морозко по лесу потрескиват, с елки на елку поскакиват, пощелкиват – заморозил заработки, пенсии, а уж прожиточный минимум – так ето само собой. Замечат девушку симпатишную:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ты чё, окаянный, ваще с ума ковырнулся? Ты ж всю страну заморозил, кончай безобразничать!

У Морозко глаза круглые стали, в инее так и хлопають. Он ниже спустился, заморозил контакты с цивилизованным зарубежьем, обмен инвестициями, технологиями, налоги повысил, потрескиват, пощелкиват.

– Неужто не тепло тебе, девица? А вот усем ежели нравица! Говорять, нас пуще уважають, ежели усё заморозить-то!

– Ты совсем сбрендил, идиот? Моразька красноносый!

Воевода расстроился, ишо ниже спустился, с им редко кто так разговариват, рази што Пионтковский с Бабченко. Сильнея приударил, затрещал, защёлкал, устроил пару гибридных войн, довёл инфраструктуру до полново развала, самолёты падають, станции взрываюца, торговые центры горять:

– Неужто не тепло тебе, девица? Рази не тепло, красная?

– Ну, дурень, ты ж давно под суд созрел! Под международный!

Рассердился Морозко, да так, што Алисия получила свою двушечку – всё по закону, естественно, который и применил суд в форме эскимо «Метелица», к коему то и дело подъезжают на санях власть и деньги имущия и откусывают по кусочку.

Так што Алисия, мачехина дочь, отправилася в свою исправительно-трудовую колонию строгава режиму, штоб не повадно было, а Снежану, мужикову дочь, Морозко закатал в сыр-масло и послал говорящей головой в брильянтовым кокошнике на един из телеканалов, коих у ево тьма.

Был и я там на одной из передач, помню, орати чё-то неуёмное стал про Морозко, што, конечно, вырезали, – зато оставили, как мене устроители пыталися проткнуть микрофоном наскрозь, штоб знал как людя́м всяки бредни баяти.